

Рец. на кн.: **DARREN BYLER. TERROR CAPITALISM: UYGHUR DISPOSSESSION AND MASCULINITY IN A CHINESE CITY.**

Durham, NC: Duke University Press, 2022. 296 p.

Лилия Владимировна Земнухова

Немецкий музей

1 Музейный остров, Мюнхен, Германия

Европейский университет в Санкт-Петербурге

6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

lzemnukhova@eu.spb.ru

Аннотация: Книга посвящена изучению положения уйгурского населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе через призму влияния технологий. Автор использует концепцию террор-капитализма, чтобы показать всю сложность отношений уйгуров с властями и другими этническими группами, а также между собой в повседневной жизни. Для этого он выделяет три процесса, через которые вынуждены проходить уйгурские мужчины — цифровая изоляция, этнорасовое обесценивание и материальное лишение собственности. Автор также предлагает три способа совладания с жизненными трудностями: дружба, малая политика и вычитание.

Ключевые слова: террор-капитализм, технополитика, уйгуры, Китай, гендер.

Для ссылок: Земнухова Л. Рец. на кн.: Darren Byler. *Terror Capitalism: Uyghur Dispossession and Masculinity in a Chinese City*. Durham, NC: Duke University Press, 2022. 296 p. // Антропологический форум. 2023. № 56. С. 171–187.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-171-187

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/zemnukhova.pdf>

A Review of DARREN BYLER, TERROR CAPITALISM: UYGHUR DISPOSSESSION AND MASCULINITY IN A CHINESE CITY.

Durham, NC: Duke University Press, 2022, 296 pp.

Liliia Zemnukhova

Deutsches Museum

1 Museumsinsel, Munich, Germany

European University at St Petersburg

6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

lzemnukhova@eu.spb.ru

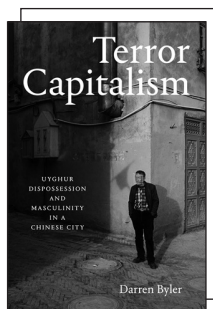
Abstract: This book explores the situation of the Uyghur population in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region through the prism of the influence of technology. The author uses the concept of terrorcapitalism to show the complexity of the Uyghur's relations with the authorities and other ethnic groups, as well as with each other in everyday life. To do so, he identifies three processes through which Uyghur men have to go—digital exclusion, ethno-racial devaluation, and material dispossession. The author also suggests three ways of coping with life's difficulties: friendship, minor politics, and subtraction.

Key words: terror-capitalism, technopolitics, Uyghurs, China, gender.

To cite: Zemnukhova L., 'A Review of Darren Byler, *Terror Capitalism: Uyghur Dispossession and Masculinity in a Chinese City*. Durham, NC: Duke University Press, 2022, 296 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 56, pp. 171–187.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-171-187

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/zemnukhova.pdf>

Рец. на кн.: **Darren Byler. *Terror Capitalism: Uyghur Dispossession and Masculinity in a Chinese City.*** Durham, NC: Duke University Press, 2022. 296 p.

Книга посвящена изучению положения уйгурского населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе через призму влияния технологий. Автор использует концепцию террор-капитализма, чтобы показать всю сложность отношений уйгуров с властями и другими этническими группами, а также между собой в повседневной жизни. Для этого он выделяет три процесса, через которые вынуждены проходить уйгурские мужчины — цифровая изоляция, этнорасовое обесценивание и материальное лишение собственности. Автор также предлагает три способа совладания с жизненными трудностями: дружба, малая политика и вычитание.

Ключевые слова: террор-капитализм, технополитика, уйгуры, Китай, гендер.

Когда я задумывала рецензировать эту книгу, то ожидала увидеть подробный анализ того, как Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) стал экспериментальной площадкой для систем наблюдения и тестирования идеи социального рейтинга. Эти ожидания были сформированы доминирующим в социальных исследованиях технологий вниманием к процессу сбора больших данных о гражданах с помощью комплекса систем распознавания лиц, голоса, трекинга локализации, а также последующего тестирования в отдельных китайских регионах системы «социального кредита» (см., например: [Meissner 2017; Wong, Dobson 2019; Liu 2022]). В критических исследованиях технологий китайские эксперименты с алгоритмами и данными оказываются на том полюсе, против которого выступают независимые институты, ответственные разработчики, профессиональные ассоциации и демократические правительства. При этом социальные ученые основное внимание уделяют западным технокомпаниям и их политике разработки алгоритмов и регулирования данных (см., например: [Seaver 2017; Zuboff 2019; Christin 2020]), в то время как кейсы изучения технологий в тоталитарных режимах остаются менее доступными и тем более важными для изучения.

Лилия Владимировна Земнухова

Немецкий музей,
Мюнхен, Германия /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
lzemnukhova@eu.spb.ru

Книга Байлера оказалась намного человечнее, глубже, эмоциональнее, чем могло бы предложить критическое исследование технологий. В центре внимания автора оказалась не технология как таковая, а «принудительный пользовательский опыт» (Р. xiii) технополитической системы, которая переопределяет жизни и повседневность уйгурского общества в Китае. Драма человеческих жизней, биографии с беспросветными перспективами, постоянная авторская рефлексия, полемика с огромным количеством литературы и уникальные наблюдения и жизнеописания делают эту книгу образцом погружения в недоступную, закрытую среду в условиях тоталитарного режима, выстроенного на этнорасистских принципах. Здесь соединяются феминистский антропологический подход, исследования террор-капитализма, деколониальная критика и личные истории (*personal storytelling*), поэтому книга получилась не только сензитивной и острой, но и расширяющей концептуальные перспективы исследований уязвимых групп.

Даррен Байлер — американский антрополог, который сейчас работает в Университете Саймона Фрейзера в Канаде. Это его вторая книга, посвященная феномену вытеснения этнических групп в условиях технокапитализма. В других своих работах Байлер исследует, каким образом трансформируются повседневные религиозные и языковые практики, как рутинизируются политики угнетения, какую роль играют в этом медиа и другие технологии. Он анализирует происходящее в Синьцзяне с разных сторон — технологической, гендерной, трудовой, властной.

Байлер «стремился рассматривать голоса и опыт уйгурских мужчин не как негендерные и нормативные выражения уйгурской идентичности, а как объекты эмоциональной заботы [друг о друге. — Л.З.]» (Р. 22). В центре внимания оказались мужчины, поскольку именно на них были направлены усилия государства по расовому «очищению», а также потому, что сам автор, будучи исследователем-мужчиной, смог стать со-участником в этой антиколониальной борьбе, собирая нарративы своих информантов. Эта книга — продолжение и результат длительной этнографической работы автора в регионе, суммарно 24 месяцев наблюдений в разные периоды. Такая включенность позволила автору проследивать отдельные истории и биографии, динамику изменения технополитического режима через близкие отношения автора с уйгурами и ханьскими поселенцами, через совместное осмысление их социального положения.

Ключевой вопрос книги — «как продолжать жить, несмотря на системы изоляции, девальвации и в конечном счете отчужде-

ния» (Р. 3). Эти трем феноменам посвящена первая часть книги и первые три главы: (цифровая) изоляция, (этнорасовое) отчуждение и (материальное) отчуждение. Во второй части предлагаются ответы информантов на эти три вызова — дружба, малая политика (*minor politics*) и «вычитание» (*subtraction*).

Во введении автор развивает концепцию капитализма террора, где переплетаются материальное отчуждение, колониальное господство и медийное сопротивление. Для концептуализации роли технологии в капитализме террора автор опирается на идею Фуко о биополитической безопасности [Foucault 2007], которая позволяет выявлять новые отношения зависимости, производить новые режимы оценки и опосредовать поведение людей [Samimian-Darash 2016]. Технополитические системы моделируют поведение и создают определенные сценарии социального воспроизводства представителей «отличающихся» групп и при этом делают из них постоянный источник цифровых данных (Р. 20). Концепция капитализма террора вносит вклад в ту область исследований, которую Шошанна Зубофф разрабатывает с использованием понятия «надзорный капитализм» (*surveillance capitalism*) [Zuboff 2019], а сам автор дополняет ее феминистским и деколониальным взглядом на глобальное со-производство экономических и технополитических отношений.

В первой главе, посвященной цифровой изоляции (*enclosure*), Байлер показывает, как технологии надзора и контроля делают конкретные социальные группы политически и экономически уязвимыми и постоянными поставщиками данных. В сложной истории развития региона автор концентрируется на том периоде, когда технологии стали основой проводимой государством локальной политики. После того как все взрослые жители Синьцзяна прошли «проверку здоровья всего народа»¹, в распоряжении китайских госслужб и частных компаний-работчиков оказалось множество биометрических данных — «ДНК, группы крови, отпечатки пальцев, голосовые подписи, сканы лиц и радужных оболочек» (Р. 32). Эти данные и легли в основу той выборки, на которой в дальнейшем обучались надзорные системы всех контрольно-пропускных пунктов и камер уличного наблюдения и конструировались цифровые модели девиантного или подозрительного поведения. Таким образом, данные о телах и поведении уйгурского народа были

¹ Повсеместная диспансеризация преподносилась властями как инициатива по ведению цифровых историй болезни и способ повышения уровня оказания медицинской помощи. Однако проведена она была только в СУАР, а в дальнейшем эти данные использовались не в медицинских, а в полицейских целях. См. соответствующее расследование Human Rights Watch: <<https://www.hrw.org/news/2017/12/13/china-minority-region-collects-dna-millions>>.

использованы для формирования технологической инфраструктуры, которая подкрепляла и воспроизводила господствующие властные отношения.

Концепция цифровой изоляции помещает воспроизводство социальности в технологический контекст. Строительство информационно-коммуникативной инфраструктуры, усиление сети беспроводной связи, повсеместное наблюдение и GPS-датчики для слежения создали многомерное пространство для сбора данных и их аналитики, оценки и моделирования поведения. Цифровая изоляция навязывает институциональный порядок, в котором дискриминируемые группы принуждаются к несвободному труду и несвободной жизни, поскольку лишаются доступа к социальным благам и информации.

Парадокс заключается в том, что сначала развитая сеть цифровой коммуникации в Синьцзяне стала основой для развития мусульманского сообщества, его социального воспроизводства. К 2012 г. все районы были обеспечены информационно-коммуникативными сетями и телевидением, поэтому знания и практики местных сообществ были доступны и свободны для циркуляции. Но с усилением роли медиа в поддержании культуры мусульманского сообщества и уйгурской общины эта этническая автономия стала распознаваться государственной властью как потенциальная террористическая угроза, и в 2014 г. в регионе была объявлена «народная война с террором» (Р. 41). В ответ на этническую и религиозную консолидацию уйгуров частные компании при поддержке китайского государства стали развивать масштабные проекты по поддержке безопасности.

В результате появилась система пропусков — зеленая карта с QR-кодом, которая была доступна далеко не всем уйгурам (около 10 %) и без которой им нельзя было покидать родные уезды (Р. 44). Сельская местность стала для уйгуров «тюрьмой под открытым небом» с невозможностью выехать за ее пределы. Уйгурское население из городов или массово отправлялось в села, или же подвергалось перевоспитанию в особых лагерях. Лагеря перевоспитания — это авторитарная форма репрессий, возникшая в Китае после митингов уйгуров 2009 г. (первые спутниковые свидетельства их постройки датируются 2011 г.¹). Реализация этой репрессивной машины осуществлялась силами сотен тысяч полицейских и государственных служащих, направлявшихся с внезапными инспекциями по местам проживания уйгуров или занимавшихся выборочными проверками

¹ Русская служба Би-би-си проводила большое расследование, посвященное лагерям, где анализировала данные аэрокосмической компании GMV: <https://www.bbc.com/russian/resources/idd-sh/China_hidden_camps_russian>.

граждан на улицах городов [Byler 2018]. Уйгурское население должно было соглашаться на precarious труд или же отправляться в лагеря для перевоспитания и бесплатной работы. Многие не возвращались. До сих пор прямых и проверенных сведений о местах пребывания узников в этих рабочих или воспитательных лагерях нет.

Такая система подавления конкретной этнической группы приводила не только к их дискриминации в структуре занятости или поражению в гражданских правах, но и к «эпистемической трансформации самой уйгурской социальности» [Byler 2019]. Это означает, что уйгурское население через лишения и отчуждение проходит вынужденное переопределение своего социального порядка, знаний и деятельности. То, что было привычным и значимым в обиходе, трактуется по-новому и получает новые значения, сначала в экономическом контексте (например, наемный труд вместо ремесленного), потом во все более идеологизированном политическом контексте. «Государственные власти и подрядчики постоянно называли уйгуров “сепаратистами, экстремистами, террористами” и требовали от государственных служащих и членов общин предоставлять “вражеские разведданные” о тех уйгурах, с которыми они сталкивались», — пишет Байлер (Р. 45). «Вражескими» они считались, поскольку рассматривались как угроза национальной государственной безопасности.

Технологические прорывы в области компьютерного зрения и расшифровки голосовых сообщений лишь усилили цифровую изоляцию и сформировали универсальную платформу системы безопасности — по правилам действующей авторитарной власти. В этой системе уйгурское население по умолчанию представляло опасность и использовалось для совершенствования обучающих алгоритмов надзора. Внутри системы работали низкооплачиваемые технические специалисты в качестве «уборщиков данных» [Irani 2019], которые занимаются обработкой или «очисткой» больших объемов данных для подготовки их к аналитической работе. Среди низкооплачиваемых уборщиков были и квалифицированные работники, в том числе из числа самих уйгуров — об этом свидетельствует история Баймурата, который устроился на работу в народный полицейский участок (Р. 48). Попав в службу безопасности торгового центра, он стал сотрудником государственной полиции. В его задачи входило выявление людей из мусульманского меньшинства с последующим присвоением им рейтинга благонадежности.

Задержания уйгуров обосновывались их религиозными и политическими проступками, которые отслеживались по социальным сетям и данным в телефонах других задержанных.

Кроме того, подозрительными стали наличие родственника-эмигранта, международные поездки, попытки уничтожить свой мобильный телефон или вовсе его отсутствие. Все задержанные оказывались в лагерях перевоспитания или пропадали. Цифровая изоляция оказывается отправной точкой для последующих процессов девальвации и отчуждения, которые стали возможными в капиталистическо-колониальном контексте в Северо-Западном Китае: так мусульмане превращаются в «террористические тела» (Р. 60).

Вторая глава демонстрирует процесс этнорасовой девальвации (*devaluation*), к которому привела выстроенная система наблюдения, особенно в городе Урумчи. В то время как уйгуры подвергались дискриминации и преследованию, ханьские мигранты, напротив, получали разнообразную поддержку (Р. 63). Это подстегнуло «народную войну», направленную на стигматизацию уйгуров как преступников по умолчанию. Байлер сравнивает траектории ханьских и уйгурских мужчин, оказавшихся в такой структуре социального воспроизводства, которая создает для этих двух групп очень разные возможности.

Технополитический режим капитализма террора делает всё китайское ценным и культурно значимым, а уйгурское — отсталым или даже опасным (Р. 63), что не может не отражаться на социальном воспроизводстве. Уйгурские мужчины были ценны лишь как информаторы для государства и неквалифицированные работники, хотя прежде они были включены в свою традиционную экономику, основанную на народных промыслах. Попадая в городскую среду, они наравне с другими стремились к тому, чтобы стать полноправными участниками современной городской жизни, которую видели в некогда не запрещенных роликах или рекламе в интернете. Качество жизни стало в определенном смысле стремлением как для ханьцев, так и для уйгуров, хотя их положения вовсе не были равны.

Участниками био- и технополитического отчуждения стали и ханьские переселенцы: их тела и метрики были нужны для «очищения социальной атмосферы» (Р. 67). Поэтому они получали дополнительные ресурсы, позиции культурного влияния и социальную ценность. Для ханьцев уйгурский Урумчи стал городом возможностей. А легкость, с которой приобретались новые достижения и ресурсы, придавала ценность качеству жизни и потребления. Вместе с тем многие ханьские информанты Байлера чувствовали себя достаточно защищенными для самореализации, не видели угрозы со стороны уйгуров, да и в целом не вполне осознавали свои привилегии, существующие благодаря «правильной» этнической принадлежности (Р. 74–75).

Как и для ханьцев, для уйгурских переселенцев из деревни в город представления о качестве жизни формировались во многом под влиянием интернета. Но их свобода достижений и самовыражения была ограничена: они не должны были выглядеть «как слишком уйгурские, слишком исламские и недостаточно китайские». При этом «экзотические» образы счастливых танцующих местных приветствовались как могущие удовлетворить любопытство туристов (Р. 78). А городские жители имели возможность демонстрировать свое качество жизни на фоне общественных благ, хотя потом эта демонстрация могла стать цифровым следом и быть использована как улика.

История Юсупа, которую Байлер описывает во второй главе, иллюстрирует стремление молодых уйгурских мужчин выглядеть космополитами и участвовать в экономике знаний. Юсуп был вовлечен в традиционные ремесленные практики, активно участвовал в исламских сообществах вместе с другими друзьями-переселенцами, рассуждал на тему возможностей и ограничений воспроизводства традиций и поиска достойной работы. Но в 2017 г. автор потерял с ним связь, его аккаунт в соцсетях был удален: во время очередной волны массового задержания уйгуров более миллиона человек были отправлены в лагеря перевоспитания по причинам «религиозного экстремизма» и «этнического сепаратизма» (Р. 92).

Третья глава раскрывает процесс (материального) отчуждения (*dispossession*). В центре главы — рассказы двух молодых уйгурских мигрантов — Махмуда и Азиза, которые использовали соцсети для создания городской исламской идентичности.

Махмуд был одним из тех, кто пригласил Байлера посетить свое родное село и познакомиться с родственниками, хотя оба отдавали себе отчет в рискованности этой идеи. Именно в этот момент в дом нагрянула полиция, и эта ситуация показала всю уязвимость положения уйгурского сельского населения в их же собственных домах. Невозможность должным образом принимать гостей, отказ выполнять абсурдные приказы, запрет на выключение телевизора с китайской пропагандой, — все это было унижительно для повседневной жизни семей, хотя родительский дом Махмуда и был отмечен правительственным значком «мирная семья» (Р. 98–99). Отчуждение распространяется далеко за пределы материальной собственности, оно охватывает и дискурсивный, и эпистемический аспекты жизни людей [Coulthard 2014; Goldstein 2017]. Это влечет за собой принуждение к иному социальному порядку, обесценивание знаний и опыта, девальвацию собственности и прав. В рыночной экономике, основанной на инфраструктуре железных дорог и трубопроводов, с новой политикой поселения фермерский

труд уйгурского сельского населения был переосмыслен: место рыночных отношений заняли угрозы конфискации и заключения под стражу, что неизбежно привело уйгуров к отношениям полной зависимости и последующей бедности, угнетения и бесправия (Р. 105).

История Азиза — это история стремления к образу городского жителя, при этом сохраняющего приверженность патриархальной мусульманской культуре [Byler 2015]. Современные исламские учения были широко распространены в интернете и усиливали и другие формы отчуждения (например, затворничество женщин, обесценивание домашнего труда). Они, в свою очередь, накладывались на уязвимое положение молодых мужчин на рынке труда в силу этнической сегрегации, что радикализовало поиск своего места в обществе в целом и в городе в частности. Например, образ молодого бизнесмена из Стамбула казался Азизу относительно безопасным и для демонстрации своей приверженности современной исламской культуре, и для существования в рамках надзора без лишних подозрений (Р. 121–122). Но и эта тактика выживания оказалась бессильной против цифровой изоляции.

С репрессиями 2014 г. против экстремизма и терроризма та медиасреда, в которой работали и Махмуд, и Азиз, оказалась под особым наблюдением. Производители всего уйгурского контента подвергались дополнительным проверкам и задержаниям, история цифрового поведения сельских родственников городских уйгуров анализировалась за последние пять лет (Р. 123). Преследование за религиозное поведение распространилось и на общинные центры и мечети: власти водружали китайские флаги, семьи причастных к производству уйгурского контента заставляли давать клятву верности государству (Р. 127). Уйгурская публичная сфера превратилась в инструмент капитализма террора, а частная сфера перестала быть самоуправляемой.

Вторая часть книги показывает появившиеся в условиях цифровой изоляции, девальвации и отчуждения низовые ответы и способы переживания этого травматичного опыта. Четвертая глава посвящена дружбе молодых уйгурских мигрантов. В уйгурском обществе «дружба исторически была основным источником этических обязательств и социальности» (Р. 139). Дружба проходит красной нитью через всю книгу, оказываясь прибежищем, опорой, попыткой осмысления новых условий для жизни молодых мигрантов вдали от своих семей и сообществ. Эту дружбу во всех описаниях Байлера сопровождают чувства отчаяния, тревоги, одиночества, уязвимости, но также забота, доверие и общность.

Байлер подчеркивает значение антиколониальной дружбы, которая помогает выжить в условиях государственного насилия путем соучастия и совместного переживания опыта (Р. 137). Для этого он обращается к феминистским исследованиям маскулинности [Sedgwick 1985; Gutmann 1997; Kimmel 2004], а также к работам по исламской маскулинности [Dautcher 2009; Rana 2011] и мужественности коренных народов [Innes, Anderson 2015]. Автор показывает, что точка сборки уйгурской маскулинности оказывается не в доминировании над женщинами, а в защите от изоляции и девальвации через практики совместного проживания, обмена сложным опытом, интерсубъективного осмысления травм. Уйгурские мужчины не могли найти достойную работу, свободно снимать жилье, подвергались дискриминации и угнетению. Такая воспроизводящаяся форма структурного давления в итоге порождает межпоколенческую травму колониального насилия [Wolfe 2006]. В этом контексте почти у всех информантов Байлера был очень близкий друг, который не просто выслушивал, но часто помогал выжить. А рассказывание историй (*storytelling*) оказывалось сильной терапевтической практикой, поскольку они придают смысл жизни и переопределяют переживание опыта [Jackson 2002]. Уйгурские мужчины в подобных рассказах занимали активное положение тех, кто справляется с трудными ситуациями, хотя и продолжает сталкиваться с обесцениванием и лишениями.

В центре этой главы — история жизни Абликима, который становится героем книги еще с первой страницы введения. Во время учебы Абликим выбрал химию с мыслью о том, что универсальный язык науки поможет ему найти свое место: в лаборатории он чувствовал себя значимым вне зависимости от этнической принадлежности (Р. 145). Однако работу в академической среде было найти невозможно, а на производстве задачи не были связаны с наукой. Он устроился учителем химии, будучи единственным уйгуром в школе. При этом он продолжал сталкиваться с предвзятым отношением к себе со стороны преподавателей-ханьцев и немотивированных учеников, что усугубило его и без того непростое положение в условиях цифровой изоляции (например, ежедневные досмотры и проверки).

Для описания состояния Абликима и других уйгурских мужчин Байлер обращается к идее «медленной смерти» как физического и ментального изнашивания, изнеможения от постоянной уязвимости [Berlant 2011]. «Эти системы изоляции и девальвации не позволяли им найти работу или обрабатывать свою землю; блокировали их передвижение, кроме как по прямому приказу; заставляли их смотреть государственное телевидение, цензурировали их речь и провозглашали их нерушимую верность государству; диктовали, что им носить и как стричь

волосы; отслеживали их цифровые социальные сети, чтобы определить, кто должен быть задержан» (Р. 147). Абликим не раз впадал в депрессивные состояния и говорил о суициде, и на помощь ему всегда приходил его закадычный друг (“life and liver” friend) Батур, с которым они виделись и разделяли трапезу каждый день (Р. 156). В условиях постоянной уязвимости такая паллиативная форма социального воспроизводства уйгурской общины была необходимой, хотя и не могла спасти от всего. С Абликимом автор также потерял связь в 2017 г., получив от него сообщение по электронной почте о прекращении переписки по соображениям безопасности. Батур оставался на свободе, был в ужасе и чувствовал свою вину и бессилие от разрыва дружбы (Р. 157). Байлер осмысляет этот опыт потери человека, ставшего ему другом, через антропологию как работу скорби [Briggs 2014], а написание этой книги — как практику антиколониальной дружбы: «слушать и записывать истории друзей, чтобы представить их читателям, чтобы они [друзья-уйгуры] знали, что значимы» (Р. 161).

Пятая глава повествует о малой политике (*minor politics*) как еще об одном способе совладания с изоляцией, девальвацией и отчуждением. Здесь Байлер рассказывает историю ханьского мигранта Чэнь Ёе, который посредством документальной фотографии фиксировал жизнь уйгурских мигрантов в городе и у них дома в сельской местности.

Малая политика [Deleuze, Guattari 1986; Lionnet, Shih 2005] становится возможной благодаря деятельности и практикам отдельных людей, направленным на придание смысла невидимым или незаметным феноменам повседневности, которые исключаются из навязываемого доминирующего порядка — экономического, политического, повседневного. Маргинализованные и угнетаемые группы используют приверженность традиционным ценностям и привязанностям и тем самым воспроизводят свой образ жизни в ответ на внешние угрозы и кризисы. «Она дает маргинализованным людям политическое ощущение того, что у них есть возможность действовать в мире и влиять на других, но ее легитимность не опирается на юридическое или формальное признание со стороны государства или капиталистических институтов» (Р. 167).

Чэнь Ёе пытался идентифицировать себя с уйгурскими мигрантами и показывал не только разнообразные сложности, но и моменты счастья, источники вдохновения и силы в их повседневной жизни. Он пытался показать их простыми людьми со своей сильной культурой и традициями вопреки господствующей политике. Он фотографировал бедность, бесправие, уязвимость, но подчеркивал самобытность, деконструируя миф

о победившем суверенитете китайского государства (Р. 174). Сам Чэнь Ёе отказывался от государственной помощи в поддержке культурного производства, сопротивлялся проектам перевоспитания уйгурского населения. Более того, он действовал как свидетель нормализации капитализма террора, когда замечал, как дискурсы отчуждения и девальвации становились естественными в среде мигрантов. Он не стремился к хорошей жизни, а вместо этого, будучи тоже переселенцем, считал себя солидарным с безместностью и несправдливостью уйгурских мигрантов (Р. 179). Он не только документировал их повседневную жизнь, но был готов по мере возможности помогать им во взаимодействии с властью — быть переводчиком, их представителем. Став своим в художественном сообществе Урумчи, Чэнь Ёе начал использовать свое положение для защиты уйгуров, хотя малая политика, которая отвергает колониальные отношения, не может быть легко перенесена на большие масштабы.

Завершающая глава посвящена вычитанию (*subtraction*). Чтобы понять смысл, который автор вкладывает в это понятие, нужно обратиться к другому понятию — эмной категории *мусапир*, которая лежит в основе религиозной экономики уйгуров. *Мусапир*, или *мусафир* (*musafir*, *musafir*), в классическом арабском языке означает «путешественник, путник», а в уйгурском контексте воспринимается как чувство и материального, и психического перемещения, но и как преданность исламской вере, благочестие и воля (Р. 192). Чтобы продемонстрировать глубину этого понятия, Байлер обращается к двум историям, которые находятся на разных концах спектра того, что можно назвать мусапирской социальностью.

Первая — история Эмира и его жены Бахар, семьи мигрантов старшего поколения из неформального поселения в городе. В этом доме «семья смогла использовать городское овцеводство — разведение небольшого стада овец в своем доме и на окружающих его развалинах — как действенное средство подготовки к надвигающейся волне экономического отчуждения» (Р. 193). Они были значимыми участниками своей общины, выстраивали свой быт и смысл жизни с опорой на тесные связи с другими *мусапирами*. Но в 2015 г. их дом, очаг и быт были уничтожены.

Вторая история рассказывает о Хасане — молодом уйгурском *мусапире*, который нашел в религиозной практике реформистского ислама и идентичности источник стабильности, как личной, так и экономической. Он, как и другие мигранты, использовал китайский мессенджер WeChat для коммуникации, обмена религиозными текстами, поиска работы. В 2016 г. все

эти данные были использованы для выявления религиозных экстремистов в среде уйгурских мигрантов.

Никто из героев Байлера в конечном итоге не смог обеспечить себе безопасное существование в городе, что и привело к *вычитанию* — их изгнанию и «эпистемическому стиранию» (Р. 194). Исламские моральные рамки и усиление религиозной консолидации оказались реакцией на колониальный капиталистический проект китайских властей. Этот проект объединял уйгурское сообщество, позволяя его представителям воспроизводить социальную жизнь в условиях уязвимого положения. Одновременно это объединение стало очередным поводом для преследования за экстремизм, а цифровую изоляцию легитимировало как составляющую капитализма террора. «Мой тезис не в том, что жизнь уйгуров была расколота на множество идентичностей, как это часто концептуализируется в западных либеральных рамках, а скорее в том, что их повседневный опыт ислама был расположен в меняющихся структурах власти, влияния и накопления капитала», — пишет Байлер (Р. 195). Тех уйгуров, кто оказался в заключении или на перевоспитании, семьи и друзья предпочитали описывать через состояние «несуществования» или вычитания, которое означало не просто исчезновение, а неизвестность об их дальнейшей судьбе вкупе с оставшейся надеждой на возвращение после «оцифровки» и принудительного труда.

В заключении Байлер рефлексировал о том, как менялся его исследовательский взгляд по мере нарастающей «народной войны с террором», особенно когда в 2015 г. его информанты стали исчезать один за другим. Изучение малой политики и дружбы показывало, что эти формы помогают воспроизводить социальность, но не могут защитить от террора. Расцвет социальных сетей и ожидания относительно безопасной среды в городе для сельских уйгурских мигрантов обернулись столкновением с технорасистскими настроениями и формированием базы данных о неблагонадежном поведении. Выбор, который вставал перед ними, — работа в качестве «уборщиков данных», свидетельствующих против своих родственников и соседей без возможности отказаться, или же лишение свободы в лагерях для перевоспитания. У обоих вариантов было плохое завершение: самоубийство или исчезновение. «Народная война с террором создала роли для всех: заключенных, полиции и родственников заключенных. Все участвовали в проекте» (Р. 223). Самый большой страх состоял в том, что в какой-то момент человек перестанет контролировать свою жизнь, и чаще всего он сбывался.

Из всех информантов Байлера только Махмуду удалось эмигрировать в США и вновь обрести чувство контроля над собствен-

ной жизнью. Но и это чувство оказалось относительным, потому что уйгурское общество и в настоящее время переживает процессы цифровой изоляции, этнорасовой девальвации, материального отчуждения. То, что в самом начале народного террора еще могло быть человеческим и гибким (например, как в случае помощи Чэня Йе своим уйгурским друзьям), в дальнейшем обезличивается, автоматизируется, делегируется технологиям и становится «черным ящиком». Уйгурское общество превратилось в неблагонадежный, но хорошо работающий для своих целей программный код, который, увы, нормализует социальную инженерию.

Книга Даррена Байлера о процессе технополитического отчуждения граждан тоталитарного режима производит глубокое впечатление. Через судьбы отдельных людей Байлеру удается проследить динамику взаимного усиления технологий и повседневного пользовательского опыта, особенно в контексте взаимодействия власти и уязвимого сообщества уйгуров в СУАР. Однако можно выделить три момента, которые остались в книге не вполне проработанными. Во-первых, хотя автор часто рефлексирует собственную роль «западного исследователя» и стремится усилить свою антиколониальную позицию, однако уделяет мало внимания объяснению того, что именно он понимает под антиколониальным, и использует это понятие в разных смыслах и контекстах. Во-вторых, центральное понятие террор-капитализма выглядит недостаточно убедительным в контексте господствующего в Китае коммунистического режима и нуждается в уточнениях и поправках. Наконец, сами технологии слежения в книге остаются скорее фоновой инфраструктурой, чем непосредственной частью процессов отчуждения уйгуров, хотя кажется, что они критически важны и потому сама технологическая инфраструктура, влияющая на жизни людей, требует дополнительного осмысления.

Библиография

- Berlant L.* Cruel Optimism. Durham, NC: Duke University Press, 2011. 352 p.
- Briggs C.* “Dear Dr. Freud” // *Cultural Anthropology*. 2014. Vol. 29. No. 2. P. 312–343. doi: 10.14506/ca29.2.08.
- Byler D.* Uyghur Women and Memetjan Semet’s Film “Dad, I Love You” // *The Art of Life in Chinese Central Asia*. 2015, April 25. <<https://living-togetherwise.com/2015/04/25/uyghur-women-memetjan-semets-film-dad-i-love-you/>>.
- Byler D.* China’s Government Has Ordered a Million Citizens to Occupy Uighur Homes: Here’s What They Think They’re Doing // *Chinafile*. 2018, Oct. 24. <<http://www.chinafile.com/reporting-opinion/postcard/million-citizens-occupy-uighur-homes-xinjiang>>.

- Byler D.* Preventative Policing as Community Detention in Northwest China // *Made in China*. 2019, Oct. 25. <<https://madeinchinajournal.com/2019/10/25/preventative-policing-as-community-detention-in-north-west-china/>>.
- Christin A.* The Ethnographer and the Algorithm: Beyond the Black Box // *Theory and Society*. 2020. Vol. 49. No. 5. P. 897–918. doi: 10.1007/s11186-020-09411-3.
- Coulthard G.S.* *Red Skin, White Masks: Rejecting the Colonial Politics of Recognition*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2014. 245 p.
- Dautcher J.* *Down a Narrow Road: Identity and Masculinity in an Uyghur Community in Xinjiang China*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2009. 350 p.
- Deleuze G., Guattari F.* *Kafka: Toward a Minor Literature*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1986. 136 p.
- Foucault M.* *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978*. N.Y.: Springer, 2007. 464 p.
- Goldstein A.* On the Reproduction of Race, Capitalism, and Settler Colonialism // *Race and Capitalism: Global Territories, Transnational Histories*. Los Angeles, CA: Institute on Inequality and Democracy at UCLA Luskin, 2017. P. 42–51. <<https://challengeinequality.luskin.ucla.edu/wp-content/uploads/sites/16/2018/04/Race-and-Capitalism-digital-volume.pdf>>.
- Gutmann M.C.* *Trafficking in Men: The Anthropology of Masculinity // Annual Review of Anthropology*. 1997. Vol. 26. No. 1. P. 385–409.
- Innes R.A., Anderson K.* *Indigenous Men and Masculinities: Legacies, Identities, Regeneration*. Winnipeg: University of Manitoba Press, 2015. 304 p.
- Irani L.* *Chasing Innovation: Making Entrepreneurial Citizens in Modern India*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019. 304 p.
- Jackson M.D.* *The Politics of Storytelling: Violence, Transgression, and Inter-subjectivity*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2002. 320 p.
- Kimmel M.S.* *Masculinity as Homophobia: Fear, Shame, and Silence in the Construction of Gender Identity // Gergen M.M., Davis S.N. (eds.). Toward a New Psychology of Gender*. Boca Raton, FL: Taylor and Francis, 2004. P. 223–242.
- Lionnet F., Shih S.-M.* *Minor Transnationalism*. Durham, NC: Duke University Press, 2005. 368 p.
- Liu C.* *Seeing Like a State, Enacting Like an Algorithm: (Re)assembling Contact Tracing and Risk Assessment during the COVID-19 Pandemic // Science, Technology, and Human Values*. 2022. Vol. 47. No. 4. P. 698–725. doi: 10.1177/01622439211021916.
- Meissner M.* *China's Social Credit System: A Big-Data Enabled Approach to Market Regulation with Broad Implications for Doing Business in China*. B.: Mercator Institute for China Studies, 2017. 13 p.
- Rana J.* *Terrifying Muslims: Race and Labor in the South Asian Diaspora*. Durham, NC: Duke University Press, 2011. 229 p.
- Samimian-Darash L.* *Practicing Uncertainty: Scenario-based Preparedness Exercises in Israel // Cultural Anthropology*. 2016. Vol. 31. No. 3. P. 359–386. doi: 10.14506/ca31.3.06.

- Seaver N. Algorithms as Culture: Some Tactics for the Ethnography of Algorithmic Systems // *Big Data and Society*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 2053951717738104. doi: 10.1177/2053951717738104.
- Sedgwick E.K. *Between Men: English Literature and Male Homosocial Desire*. N.Y.: Columbia University Press, 1985. 272 p.
- Wolfe P. Settler Colonialism and the Elimination of the Native // *Journal of Genocide Research*. 2006. Vol. 8. No. 4. P. 387–409. doi: 10.1080/14623520601056240.
- Wong K.L.X., Dobson A.S. We're Just Data: Exploring China's Social Credit System in Relation to Digital Platform Ratings Cultures in Westernised Democracies // *Global Media and China*. 2019. Vol. 4. No. 2. P. 220–232. doi: 10.1177/2059436419856090.
- Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for the Future at the New Frontier of Power*. N.Y.: PublicAffairs Books, 2019. 704 p.

Лилия Земнухова

**A Review of Darren Byler, *Terror Capitalism: Uyghur Dispossession and Masculinity in a Chinese City*.
Durham, NC: Duke University Press, 2022, 296 pp.**

Liliia Zemnukhova

Deutsches Museum
1 Museumsinsel, Munich, Germany
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
lzemnukhova@eu.spb.ru

This book explores the situation of the Uyghur population in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region through the prism of the influence of technology. The author uses the concept of terror-capitalism to show the complexity of the Uyghur's relations with the authorities and other ethnic groups, as well as with each other in everyday life. To do so, he identifies three processes through which Uyghur men have to go—digital exclusion, ethno-racial devaluation, and material dispossession. The author also suggests three ways of coping with life's difficulties: friendship, minor politics, and subtraction.

Keywords: terror-capitalism, technopolitics, Uyghurs, China, gender.

References

- Berlant L., *Cruel Optimism*. Durham, NC: Duke University Press, 2011, 352 pp.
- Briggs C., “Dear Dr. Freud”, *Cultural Anthropology*, 2014, vol. 29, no. 2, pp. 312–343. doi: 10.14506/ca29.2.08.
- Byler D., ‘Uyghur Women and Memetjan Semet’s Film “Dad, I Love You”’, *The Art of Life in Chinese Central Asia*, 2015, April 25. <<https://living-otherwise.com/2015/04/25/uyghur-women-memetjan-semets-film-dad-i-love-you/>>.
- Byler D., ‘China’s Government Has Ordered a Million Citizens to Occupy Uighur Homes: Here’s What They Think They’re Doing’, *Chinafile*, 2018, Oct. 24. <<http://www.chinafile.com/reporting-opinion/postcard/million-citizens-occupy-uighur-homes-xinjiang/>>.
- Byler D., ‘Preventative Policing as Community Detention in Northwest China’, *Made in China*, 2019, Oct. 25. <<https://madeinchinajournal.com/2019/10/25/preventative-policing-as-community-detention-in-northwest-china/>>.
- Christin A., ‘The Ethnographer and the Algorithm: Beyond the Black Box’, *Theory and Society*, 2020, vol. 49, no. 5, pp. 897–918. doi: 10.1007/s11186-020-09411-3.
- Coulthard G. S., *Red Skin, White Masks: Rejecting the Colonial Politics of Recognition*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2014, 245 pp.
- Dautcher J., *Down a Narrow Road: Identity and Masculinity in an Uyghur Community in Xinjiang China*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2009, 350 pp.
- Deleuze G., Guattari F., *Kafka: Toward a Minor Literature*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1986, 136 pp.
- Foucault M., *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978*. New York: Springer, 2007, 464 pp.
- Goldstein A., ‘On the Reproduction of Race, Capitalism, and Settler Colonialism’, *Race and Capitalism: Global Territories, Transnational Histories*. Los Angeles, CA: Institute on Inequality and Democracy at UCLA Luskin, 2017, pp. 42–51. <<https://challengeinequality.luskin.ucla.edu/wp-content/uploads/sites/16/2018/04/Race-and-Capitalism-digital-volume.pdf>>.
- Gutmann M. C., ‘Trafficking in Men: The Anthropology of Masculinity’, *Annual Review of Anthropology*, 1997, vol. 26, no. 1, pp. 385–409.
- Innes R. A., Anderson K., *Indigenous Men and Masculinities: Legacies, Identities, Regeneration*. Winnipeg: University of Manitoba Press, 2015, 304 pp.
- Irani L., *Chasing Innovation: Making Entrepreneurial Citizens in Modern India*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019, 304 pp.
- Jackson M. D., *The Politics of Storytelling: Violence, Transgression, and Inter-subjectivity*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2002, 320 pp.
- Kimmel M. S., ‘Masculinity as Homophobia: Fear, Shame, and Silence in the Construction of Gender Identity’, Gergen M. M., Davis S. N. (eds.), *Toward a New Psychology of Gender*. Boca Raton, FL: Taylor and Francis, 2004, pp. 223–242.

- Lionnet F., Shih S.-M., *Minor Transnationalism*. Durham, NC: Duke University Press, 2005, 368 pp.
- Liu C., 'Seeing Like a State, Enacting Like an Algorithm: (Re)assembling Contact Tracing and Risk Assessment during the COVID-19 Pandemic', *Science, Technology, and Human Values*, 2022, vol. 47, no. 4, pp. 698–725. doi: 10.1177/01622439211021916.
- Meissner M., *China's Social Credit System: A Big-Data Enabled Approach to Market Regulation with Broad Implications for Doing Business in China*. Berlin: Mercator Institute for China Studies, 2017, 13 pp.
- Rana J., *Terrifying Muslims: Race and Labor in the South Asian Diaspora*. Durham, NC: Duke University Press, 2011. 229 p.
- Samimian-Darash L., 'Practicing Uncertainty: Scenario-based Preparedness Exercises in Israel', *Cultural Anthropology*, 2016, vol. 31, no. 3, pp. 359–386. doi: 10.14506/ca31.3.06.
- Seaver N., 'Algorithms as Culture: Some Tactics for the Ethnography of Algorithmic Systems', *Big Data and Society*, 2017, vol. 4, no. 2, pp. 2053951717738104. doi: 10.1177/2053951717738104.
- Sedgwick E. K., *Between Men: English Literature and Male Homosocial Desire*. New York: Columbia University Press, 1985, 272 pp.
- Wolfe P., 'Settler Colonialism and the Elimination of the Native', *Journal of Genocide Research*, 2006, vol. 8, no. 4, pp. 387–409. doi: 10.1080/14623520601056240.
- Wong K. L. X., Dobson A. S., 'We're Just Data: Exploring China's Social Credit System in Relation to Digital Platform Ratings Cultures in Westernised Democracies', *Global Media and China*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 220–232. doi: 10.1177/2059436419856090.
- Zuboff S., *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for the Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs Books, 2019, 704 pp.